

18+

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Понедельник

Михаэль Фартуш

**Понедельник. Литературный
альманах. 11-й выпуск**

«Издательские решения»

Фартуш М.

Понедельник. Литературный альманах. 11-й выпуск /
М. Фартуш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517039-2

Добро пожаловать в лазурную бухту уединения и относительного покоя. В представленных произведениях этого выпуска достаточно света, любви и мудрости, чтобы помочь нам выбраться из замкнутого пространства дома в более совершенную и счастливую реальность. В выпуске представлены произведения самых разных направлений художественной литературы, но все они связаны невидимыми, живыми нитями единого сюжета. Вы откроете новые имена, а также познакомитесь с новыми произведениями полюбившихся авторов.

ISBN 978-5-00-517039-2

© Фартуш М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Авторы ЛитО «Понедельник», Израиль	7
Феликс Сегаль, Арад	7
В поезде	9
Наталья Терликова, Холон	11
Библейские времена скоро наступят	11
Ирина Сапир, Холон	18
Калитка	19
Ветка	20
Прозаические зарисовки	20
Корабль	20
Дверь	21
Между	21
Денис Камышев, Ашдод	22
Мастер без Маргариты	23
Колесо вечности	25
Кто на пульте?	26
Рина Зильберман, Кирьят Хаим	27
В добрый путь «Понедельник 11»	27
Врачи не Боги	28
Мы живем в параллельных Мирах	29
Ты соткана из света золотого	30
Чистым намерением	31
Что остаётся после нас	31
Лидия Каб, Бат Ям	32
Сорок лет ожиданий	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Понедельник

Литературный альманах. 11-й выпуск

Авторы: Сегаль Феликс, Терликова Наталья, Сапир Ирина, Камышев Денис, Зильберман Рина, Каб Лидия, Старчевская Марина, Кречмер Михаэль, Авраменко Ирина, Бокова Алёна, Аранчук Даниэль, Пашанова Марина, Кроль Наталья, Кречмер Алла, Фартуш Михаэль, Бержански Раиса, Искос Владимир, Каплан Яков, Зарецкая Злата, Такаренкова Виктория, Золотова Наталия, Локота Грета, Козловская Наталья

Редактор Наталья Терликова

Дизайнер обложки Мария Блувштейн

Корректор Владимир Искос

Фотограф Малхаз Татикишвили

- © Феликс Сегаль, 2020
- © Наталья Терликова, 2020
- © Ирина Сапир, 2020
- © Денис Камышев, 2020
- © Рина Зильберман, 2020
- © Лидия Каб, 2020
- © Марина Старчевская, 2020
- © Михаэль Кречмер, 2020
- © Ирина Авраменко, 2020
- © Алёна Бокова, 2020
- © Даниэль Аранчук, 2020
- © Марина Пашанова, 2020
- © Наталья Кроль, 2020
- © Алла Кречмер, 2020
- © Михаэль Фартуш, 2020
- © Раиса Бержански, 2020
- © Владимир Искос, 2020
- © Яков Каплан, 2020
- © Злата Зарецкая, 2020
- © Виктория Такаренкова, 2020
- © Наталия Золотова, 2020
- © Грета Локота, 2020
- © Наталья Козловская, 2020
- © Мария Блувштейн, дизайн обложки, 2020
- © Малхаз Татикишвили, фотографии, 2020

ISBN 978-5-0051-7039-2 (т. 11)

ISBN 978-5-4498-6418-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогой читатель, добро пожаловать в лазурную бухту *уединения* и *относительного покоя*, где авторы этого выпуска представляют свои новые произведения. В них достаточно света, любви и мудрости, чтоб помочь нам выбраться из замкнутого пространства дома в более совершенное и в новую, более счастливую реальность.

В выпуске представлены произведения самых разных направлений художественной литературы, но все они связаны невидимыми, но живыми нитями, единого сюжета. Вы откроете новые имена, а также познакомитесь с новыми произведениями полюбившихся авторов.

Добро пожаловать в волшебную голубую бухту одиннадцатого выпуска. И помните, что художественная литература со временем становится документальной.

Гл. редактор альманаха «Понедельник»

Наталья Терликова

Авторы ЛитО «Понедельник», Израиль

Феликс Сегаль, Арад

*Во время работы над выпуском ушёл из земной жизни
один из первых авторов альманаха Феликс Сегаль.*

*Но остался в нашей голубой бухте 11- го номера,
на страницах «Понедельника» и по-прежнему шутит.*

О себе

Первые стихи, патриотические, сочинил в четырнадцать лет. В восьмом классе было много «любовной лирики». Первый роман написал в девятнадцать. До сих пор «нет времени» отредактировать. Потом ещё один нашёл своё место в столе. Потом один издан. Изданы четыре

сборника стихов, пять сборников рассказов. Про Россию, Украину, Израиль, про любовь, работу, политику, немного о морали и мистике».

В поезде

- Дорогой, знаешь, какие у нас в Грузии пчёлы? Как в России коровы!
- А ульи какие у вас?
- Ульи? Ульи... Ульи обыкновенные.
- А как же пчела лезет в такой улей?
- Пищит, да лезет!

Из народного творчества.

– Слушай, друг! Мы только вдвоём в купе?
– Кажется, так.
– А! Как хорошо! Как дома...
– Как где?
– Как дома... Как в Грузии родной!
– Что у вас там очень хорошо?
– Слушай! Ты никогда не был в Грузии? Ай-яй-яй! Приезжай!... Будешь кушать только шашлык и пить лучшее в мире грузинское вино! Приезжай на месяц, хоть на неделю! Отдохнёшь в горах! Цветы! Вода как вино! Вино, как нектар... Знаешь, нектар – греческим богам давал бессмертие! Запиши адрес! Дай, я запишу... Вот! Приезжай – подарю бурку!... Не пожалеешь! Грузия – это рай! Вино – как лекарство – лечит!... «Киндзмараули»... – Дорогой! Чхванкара знаешь? Знаешь! Весь мир знает! Место, где выращивают виноград для этого вина совсем небольшое. А вина на весь мир хватает! Слушай, дорогой! Человек больной пьёт грузинские вина и здоровым становится!

– А у нас вино «мускат» воскрешает, если человек умер от инфаркта или инсульта! Откроешь бутылку в Тель-Авиве, а аромат слышно в Нью-Йорке. А если здоровый пьёшь, то чувствуешь, как паришь над землёй!

– А наш мёд, наши пчёлы!... Ну, ты слышал!..

– А на нашу корову посмотришь – кажется, что с ней поговорить можно: глаза умные, как у Сократа!

– Дорогой! У нас виноград для лучшего вина на скалах выращивают!

– А у нас на скалах олива растёт, а на песке – финиковые пальмы!

– А ты сулугуни пробовал? А чурчхелу? Приезжай – попробуешь, покушаешь – помолодеешь!

– А у нас лосося в пустыне выращивают!

– А как рыба без воды?

– А на капельном орошении!

– А у нас старики столетние танцуют картули!

– А у нас Моисей по пустыне ходил до ста двадцати лет. А Сара в сто лет родила мальчика!

– А у нас в горах есть такие родники – искупался, помолодел на двадцать лет!

– А у нас просто не стареют до ста двадцати!

– А у нас поют: сама смерть боится смерти! На-ни-на, на-ни-на!.. Я тебе скажу, смерть боится подходить к нашим старикам!..

– А у нас есть такие красавицы!..

– Слушай! Где ты живёшь? Какой-то Тилави! Где это? У нас в Кахетии тоже есть Тилави. Ты же не оттуда?

– Я из Тель-Авива! Приезжай – увидишь! И не пожалеешь! Только с женщинами будь осторожен! Их закон охраняет, как высшую ценность страны! Ну, посмотришь – это тоже очень

приятно! Вот тебе мой адрес. Придешь в аэропорт, скажешь волшебное слово «эль-аль» – получишь билет в Израиль до Тель-Авива!

– Мадлобт... Спасибо! Израиль слышал! Там героические евреи живут! Обязательно приеду! Слушай, у нас есть такие волшебные скакуны! Скажешь, давай в Мукузани – секунда и ты уже пьешь «мукузани»! Скажешь, Тел-Авив – секунда и ты там...

А у нас пастухи на бурках с горы на гору летают как на дельтаплане.

– Может, ты немного преувеличиваешь?

– Слушай, друг, я люблю мою картвелию, мою Грузию, а ты любишь свой Израиль. У меня есть два литра «киндзмараули»... Хватит нам для начала? Давай выпьем за знакомство, за твой Израиль, за мою Картвелию!

– Давай! И продолжим израильским полусладким мускатом!

– Слушай, друг, дай я тебя обниму: ты мне нравишься!

– И я тебя: ты мне тоже нравишься.

Наталья Терликова, Холон

Сквозь призму прожитых лет я вижу себя маленьким игрушечным корабликом, которого жизнь гоняла по бурным волнам. Иногда я попадала в водовороты, иногда в мутные воды, иногда в кристально-чистые источники. Но я всегда искала спокойную голубую бухту. И находила. И пыталась оставаться там как можно дольше. Пока новая волна не выгонит меня обратно в открытый океан.

Вот такой голубой бухтой я представляю себе наш одиннадцатый выпуск, где позволю себе опубликовать новую главу романа «В начале было сновидение».

Библейские времена скоро наступят (Глава из романа «В начале было сновидение»)

1.

Решение лететь к Борису в Мексику пришло спонтанно, как только Рой покинул здание налоговой, вышел на улицу, а сильный порыв ветра швырнул в лицо струю колючего дождя. «Сама природа шепчет, что пора улетать в тёплые края», – подумал он, улыбнулся своим мыслям и побежал под дождём в сторону автомобиля, где в тёплом и сухом салоне машины его ждала Марго. Он быстро завёл машину, включил дворники и вырулил со стоянки.

Дождь усиливался и проникал в душу. Марго смотрела на размытые контуры домов, световых, туманные силуэты пешеходов, и ей казалось, что дождь смывает их старую жизнь и помогает начать новую. В отличие от Роя она любила сезон дождей, с наступлением которого появлялось время для размышлений. Можно было спокойно вспомнить свою жизнь и подумать над тем, что ещё можно исправить к лучшему, а с чем придётся смириться и двигаться дальше. Она слушала мелодию дождя и всё отчётливее осознавала, что в их издательском

агентстве наступил полный застой. Авторы эксплуатируют одни и те же сюжеты, а постоянные читатели всё реже и реже посещают книжные ярмарки.

– Я собираюсь лететь в Акапулько, – внезапно в подсознание ворвался голос мужа, и она вернулась в реальность. В памяти прорезалась старая противная мелодия: «Акапулько, айяйяй, сериалы – любовь моя» и вызвала резкую головную боль.

– Это как-то связано с твоим внезапным интересом к библейским персонажам? – спросила она.

– Вот именно, – быстро ответил Рой, – я вчера просматривал библейские истории, и вот послушай, что выписал: «Рождение Исаака можно считать чудесным, ибо к тому времени Аврааму было уже 100 лет, а Сарре 90 лет. Герои библейских сказаний вообще отличались сверхъестественной долговечностью и плодовитостью. Фарра, отец Авраама и Сарры, умер, когда ему было 205 лет. Сарра умерла в 127-летнем возрасте, и спустя некоторое время после ее смерти Авраам взял себе еще жену по имени Хеттура, которая родила ему шестерых сыновей. Скончался Авраам в 175-летнем возрасте».

– Ты думаешь, что это реальный возраст? – заинтересовалась Марго, – может тогда год длился в три раза меньше нашего.

– Я думаю, что люди не работали на вредном производстве, – возразил Рой, – росли в согласии с природой, питались правильно, поэтому жили гораздо дольше.

– Кстати, хорошая тема для новых произведений, – заметила Марго.

Дождь ещё не прошёл, но тоненькие лучики солнца уже пробивались сквозь сизые тучи. На стекло падали капли, разбивались на множество разноцветных шариков и разлетались в разные стороны, как залпы фейерверков. А далеко впереди Марго заметила радугу, которая всё чётче проявлялась на фоне тёмных туч.

2.

Дома было холодно и тихо, лишь равномерное тиканье часов напоминало о том, что мир не остановился, а неумоимо движется неизвестно куда. И эта неизвестность напрягает, пугает и мешает расслабиться.

Марго скрылась в ванной комнате, а Рой разжёл камин, устроился в кресле рядом и тупо уставился на часы. Секундная стрелка плыла по кругу, а ритм механизма выстукивал в мозгах навязчивую фразу: «Пора собирать чемодан, пора собирать чемодан».

– Так почему ты решил вдруг лететь к Бобу в Мексику? – спросила Марго, когда вошла в комнату.

– Похоже, что Борька всё-таки изобрёл эликсир молодости, – коротко ответил он, – я толком ничего не понял из разговора по телефону, но речь идёт о продукции, которая реально может продлить жизнь человечеству.

– Это очень интересно, – устало произнесла Марго, поставила чашку с горячим чаем рядом с ним на столик и зевнула, – но ты не обидишься, давай завтра обсудим твою командировку в Акапулько. Я уже ничего не соображаю.

3.

Предстоящая поездка в Мексику взбодрила Роя, спать не хотелось, и он решил наконец-то отредактировать свой уже набранный роман, открыл ноутбук и углубился в чтение:

«Апельсиновый рай.

1.

Вот уже несколько дней над апельсиновой плантацией витали тучи омерзительной мошкары и жуткий запах перегнивших фруктов. Стояла невыносимая жара.

– Какой же сегодня длинный сон, – закричал Рой и с ненавистью швырнул апельсин в контейнер.

– Чего ты психуешь, – попытался успокоить его Пит и протянул термос с холодной водой. – Остынь. А это всего лишь сон. Утром проснёшься, пойдёшь в издательство и продолжишь писать свой бесконечный роман о смысле жизни.

– Ну, почему мы должны собирать эти мерзкие апельсины? – не унимался Рой, отхлебнул пару глотков ледяной воды, но никак не мог успокоиться.

– Нет никаких апельсинов, – твёрдо заявил Пит. – Это всё иллюзия, сновидения.

– А я как-то сомневаюсь, что это сон, – перебил его Рой и поставил под дерево корзину с собранными плодами. – Каждую ночь мы приезжаем сюда и вкалываем как рабы. Мы обливаемся реальным потом, стираем ладони в реальную кровь, и ты веришь, что это нам просто снится.

– Ну, конечно, – спокойно ответил Пит. – Босс говорит, что нам полезна такая перегрузка после тяжёлой умственной работы.

– Скотина твой босс, – ещё больше разозлился Рой. Но тут раздался гудок, оповещающий о конце смены, и зазвонил будильник.

Рой проснулся в своей мягкой постели и услышал в динамике приятный голос своей секретарши Фриды:

– Доброе утро, господин Писатель, сегодня вечером у Вас презентация нового романа. Ваш новый фрак в гардеробной, водитель подъедет к 18:00. Мы ждём Вас в главном офисе. Удачного дня!

Рой почувствовал прилив сил и подумал: «Всё-таки наш босс мудрец. После его снов я действительно чувствую себя великолепно и вполне успеваю навестить своего друга Дона Хуареса...»

2.

Когда они с Бобом подъехали к дому Дон Хуареса, Рой изнывал от жары и усталости, но вдруг увидел огромные цветущие кактусы и почувствовал себя мальчишкой, который только начинает познавать мир. А Боб вбежал в калитку сада и растворился среди цветущих гигантов.

– Это же мираж! – воскликнул Рой, – что это за чудо такое?

– Это не мираж, это опунции, – спокойно ответил Дон Хуарес.

– Ромка! – послышался восторженный крик Боба, – беги скорей сюда, я покажу знаменитый кактус пейот.

– Да кому нужен этот пейот, – буркнул Дон Хуарес и потянул Роя в глубину сада, – самые ценные в этом заповеднике это кусты алоэ вера. Много-много лет назад семена этих чудесных растений привёз сам профессор Крафт.

Неожиданно на тропинке прямо около кустов алоэ возник Боб.

– Вот ты, вредный старикашка, – обиженно произнёс он, – я же там в беседке стол накрыл, сюрприз приготовил. Меня уже тошнит от этой суеты вокруг алоэ. Как будто нет других радостей в нашей жизни.

– Да погоди ты, – перебил его Рой. – Так это и есть тот самый Бабаденсис Миллер?

– Именно, алоэ истинный, – вяло ответил Боб, подошёл к одному из растений и аккуратно срезал сочный лист, – вот в этом самом соке мы с профессором Крафтом и нашли вещества, которые тормозят процессы старения, повышают тонус и выводят из организма шлаки.

– Так вы всё-таки нашли эликсир, – прошептал Рой и взял срезанный лист алоэ, надавил пальцами и осторожно попробовал выдавленный сок.

Жидкость оказалась приятной и освежающей, и Рой удивленно заметил:

– Надо же, а я ожидал, что сок горький.

– У того столетника, который рос у меня в горшке на подоконнике, действительно был горький сок, – рассмеялся Борька, – ты помнишь, как я выжимал из него сок и пытался приготовить мази.

– Ну, а как же, – взбодрился Рой. – Я помню, как мы с Петькой напробовались твоей настойки на спирту и устроили шоу со спец. эффектами на выпускном вечере. А утром ни фига не помнили.

– Ой, не доводи до греха, лучше не вспоминай, – хохотал Боб. – Да вы же мне все заготовки для эликсира выжрали.

3.

День выдался особенно жарким и душиным. Пот вперемишку с ядовитым апельсиновым соком больно обжигал кожу, а спину ломило от усталости.

– Да я в гробу видел такую перезагрузку, – не выдержал Рой и швырнул корзину прямо на землю, – С меня хватит экспериментов. Большие не буду подключаться к аппарату с этими идиотскими сновидениями.

– Ну-ну, бросишь курить и писать, – ухмыльнулся Пит, – спортом займёшься и начнёшь читать.

– А чего ты, Петька, ёрничаешь, – вмешался в разговор Боб, – Мне тоже осточертели эти странные сновидения.

Раздался долгожданный гудок, извещающий о конце смены, но будильник почему-то не звонил. Огромная тёмная туча закрыла солнце, в воздухе появился резкий запах гари, а над деревьями за клубился чёрный дым.

– Пожар! – кричали где-то издали. – Рабочие бараки горят!

Боб поставил корзину с апельсинами на землю, закрыл глаза, сосредоточил свои мысли на пробуждении.

– Какие бараки, это же сон, – с надеждой прошептал он и застыл в страшной догадке. Мимо просвистели две пожарные машины, и они с Роем и бросились за ними следом.

– Боб, это не сон, – кричал Рой, но пожарные сирены заглушали его голос.

Первый шок от осознания реальности прошёл, друзья стояли на пепелище и молча наблюдали, как пожарные выносят из бараков уцелевшие каркасы кроватей и остатки медицинского оборудования для сновидений. А рядом шумели рабочие, которые натягивали спальные палатки для временного ночлега.

– Ну что, господа офицеры, голубые князья и будущие лауреаты Нобелевской премии, – с сарказмом произнёс Рой, – что делать-то будем?

– Сидеть на попе ровно, – отозвался Пит, – и ждать, пока полиция разбирается.

– С продавцами снов и без тебя разберутся по полной программе, – возразил Боб. – А нам-то чего ждать?

– А чего дёргаться, – спокойно ответил Пит, – Спать есть где, жратву скоро привезут, а там, глядишь, и компенсацию начислят.

– Вот любишь ты, Петька, с дерьма сливки собирать, – брезгливо перекинулся Боб, – А мне сейчас лучше найти какое-нибудь тихое незнакомое место, да оклематься, да отмыться от этого жуткого запаха апельсинов.

– Ага, пойдёшь в Немецкий город Бремен, – ухмыльнулся Пит, – и станешь там уличным музыкантом или...

– В Бремен или Йемен, – перебил его Рой, – но найдём какой-нибудь придорожный ресторанчик или заправку, устроимся разнорабочими и будем зализывать душевные раны.

– Ну, как знаете, – зевнул Пит, – А мне нужно поспать и поесть. Я не могу принимать решения на голодный желудок».

Рой решил изменить имена героев и начал снова редактировать текст, но буквы расплывались перед уставшими глазами, и казалось, что как-то незаметно явь переплывает в сон.

А дверь, отделяющая события сна от дневных впечатлений, вот-вот захлопнется. Он снова уставился на циферблат часов.

Секундная стрелка плыла по кругу, в камине мигал огонь, а циферблат растворялся в воздухе и становился прозрачным, как стекло иллюминатора.

4.

Лайнер набирал высоту, и Рой устроился в кресле поудобней, укутался пледом и приготовился к скучному многочасовому перелёту. В иллюминаторе проплывали маленькие облачка разных форм и размеров, а земные объекты уменьшались и быстро исчезали за горизонтом. Рядом с ним сидела пожилая женщина, она громко листала какой-то журнал и вздыхала.

– Молодой человек, вам нестрашно? – вдруг спросила она. – Вы так спокойно смотрите в небо, как будто оно не таит в себе неприятных сюрпризов.

– Мне нравится наблюдать за облаками, – возразил Рой. – Кажется, что Бог создал Воду только для того, чтоб из неё сделать Облака.

– И потом исключительно для Облаков придумал Небо, – рассмеялась соседка и перелистнула страницу своего журнала, – а как Вам нравится такая вот информация: «**Самая страшная авиакатастрофа** с участием двух авиалайнеров произошла на Канарских островах – при попытке взлёта в аэропорту Тенерифе Boeing-747 голландской авиакомпании KLM в тумане врезался в Boeing-747 авиакомпании PanAm. В результате столкновения погибло 578 человек. Столкновение авиалайнеров произошло из-за языкового барьера: голландские летчики плохо понимали команды диспетчера, говорившего по-английски с испанским акцентом».

– Мне совсем не нравится такая информация, – быстро ответил Рой и повернул голову в сторону соседки. Старушка спокойно рассматривала фотографии в чёрных рамках на фоне обуглившихся обломков авиалайнеров. Видимо это были снимки людей, погибших в авиакатастрофах, которые описывались в этом странном журнале.

– Каждый раз, покупая билет на самолёт, – загадочно улыбнулась соседка, – я в глубине души надеюсь на то, что он взорвётся в воздухе и не долетит до назначения.

– Вы серьёзно? – ужаснулся Рой.

– А мне, знаете ли, хочется умереть красиво, – ответила соседка и продолжила листать свой журнал с жуткими иллюстрациями.

Рою стало как-то не по себе, он вдруг отчётливо вспомнил Пита, который частенько повторял эту идиотскую фразу: «Хочу умереть красиво». Ему совершенно не хотелось продолжать беседу с ненормальной старухой, поэтому он сильнее закутался в плед, достал свой ноутбук и углубился в редактуру своего романа: «**Апельсиновый рай**».

5

Мимо проплывали облака разных причудливых форм. Они виднелись всё чётче на фоне темнеющего неба. Рой вспомнил, что собирался изменить имена героев и принялся снова редактировать текст. Но ни облака, ни работа над романом не могли заглушить неприятных воспоминаний о Петьке. Они не виделись уже много-много лет, и Рою казалось, что Петька ушёл из его жизни навсегда, плотно прикрыв дверь, разделяющую прошлое и настоящее. И вдруг невольно брошенная фраза совершенно чужим человеком возбудила целый пласт забытых воспоминаний.

Первые годы в Израиле были очень трудными. Они втроём с Бобом и Питом снимали одну квартиру, и каждое утро просыпались с одними и теми же гнетущими мыслями: где заработать, чтоб расплатиться за эту квартиру и коммунальные услуги. А Петька находил какие-то строительные шашки. Работа, конечно, была изматывающе тяжёлая, платили за неё копейки, но приходилось вкалывать, поскольку ни Боб, ни Рой пока не могли придумать ничего другого. Петька чувствовал беспомощность друзей и свою значимость, и очень быстро из скромного и застенчивого человека превратился в самоуверенного дельца. Вскоре он собрал целую

бригаду для сезонной работы по сбору апельсинов. Когда Пит привёз людей на апельсиновую плантацию, то разразился целой речью, смысл которой сводилась к тому, что стране не нужны писатели и учёные. А вот Петька теперь их новый Босс и благодетель, без которого они просто потеряются и сгинут на городских мусорных свалках. Но он так и не успел перечислить свои требования к работникам новой бригады и закончить пламенную речь. Разъярённый Рой кинулся к нему и врезал кулаком прямо по самодовольной роже. Потом вмешался Борька, и разразился дикий скандал, который положил конец их многолетней дружбе и всяческим отношениям.

Рой и Боб долго брели по бесконечной апельсиновой плантации, чтоб выйти на дорогу. Но тогда они твёрдо решили не возвращаться на съёмную квартиру, а тем более в Петькину бригаду.

В тишину ворвался рёв мотора, лайнер плавно коснулся земли, Рой отвлёкся от ноутбука и посмотрел в иллюминатор. Но там вместо апельсиновой плантации пульсировали разноцветные огоньки аэропорта, а вдали виднелись электрические гирлянды ночного Акапулько. Они взрывались и гасли, создавая иллюзию праздника, и казалось, что по ту сторону огней люди живут другой жизнью, без проблем, переживаний и потерь. И там ждёт его старый друг Борька.

– Ну, вот добро пожаловать в Акапулько, – разочарованно вздохнула соседка и немного привстала, чтоб заглянуть в иллюминатор. Журнал соскользнул с её колен и упал прямо в открытую сумку Роя.

6.

Рой всё ещё смотрел в иллюминатор, который постепенно терял прозрачность и превращался в циферблат часов. Секундная стрелка плыла по кругу, в камине мигал огонь, а Рой медленно втекал в реальность, в комнату, где было темно и тихо. Шум турбин постепенно перерастал в равномерное тиканье часов, а он сам сидел в кресле возле камина с раскрытым ноутбуком.

«Ни Рой, ни Боб толком не знали, куда идти, но они уверенно шагали по шоссе в надежде остановить попутку и как можно дальше умчаться от этого апельсинового рая. Вдруг справа от дороги Рой заметил небольшой магазинчик с яркой вывеской «Книжная лавка» и радостно закричал:

– Боб, смотри, по-русски написано: «Книжная лавка».

– Ты уверен? – спросил Боб. – Что-то я не вижу никакой вывески.

– Уверен, – ответил тот, убыстрил шаг и свернул на тропинку, ведущую к «Книжной лавке».

– Ну, тебе видней, у тебя особый дар видеть сквозь время и пространство, – усмехнулся Боб и свернул на тропинку следом за Роем», – прочитал он на экране монитора и просто обалдел.

«Ну, вот я уже окончательно сошёл с ума, – подумал Рой, – теперь во сне я не только сочиняю романы, но даже успеваю их записывать. Однако, имена героев надо бы всё-таки изменить».

Он резко поднялся с кресла, прошёлся по комнате и решил спокойно собрать вещи для предстоящей поездки. Когда проснётся Марго и вмешается в сборы, то он обязательно что-нибудь забудет.

Рой тщательно протёр свою спортивную сумку и вытряхнул из неё старый ненужный мусор, и вдруг из сумки вместе с мусором вывалился яркий глянцевый журнал.

Рой никак не мог вспомнить, где он уже видел этот странный журнал. Пролистав издание, он остановил взгляд на одной из фотографий. Лицо на фотографии показалось ему знакомым.

«Пит Крорнер, – прочитал Рой под снимком, – один из 578 пассажиров, которые погибли в аэропорту Тенерифе, когда при попытке взлёта голландской Boeing-747 авиакомпании KLM в тумане врезался в Boeing-747 авиакомпании PanAm».

«Это же Петька, – воскликнул Рой и замер.

«Ох, не знаю, как он жил последние годы. Но умер вроде бы красиво», – грустно вздохнул Рой и швырнул журнал в мусорную корзину.

Ирина Сапир, Холон

Родилась в городе Одесса в 1972.

После окончания средней школы в 1991, в возрасте 17-ти лет вместе с родителями эмигрировала в Израиль.

В 1993 году поступила в Тель-Авивский университет на отделение Английской литературы и лингвистики и получила степень бакалавра.

До 2010 работала преподавателем английского языка в израильском отделении Московского Экономического Университета City College.

С 2010 работаю административным директором физиотерапевтической клиники в Тель-Авиве.

2012 год – выпуск первой книги «Пушистый Мир» – стихотворения для детей.

В 2016 году вышел сборник стихотворений – Я родилась осенним утром. Презентация сборника в Российском Культурном Центре.

С 2016 года член Союза Русскоязычных Писателей Израиля, в составе Правления СРПИ.

С 2018 года член Международной Гильдии Писателей.

Калитка Приступ грусти

Забилась в угол серой мышкой.
Роняет пепел сигарета.
Тут очень тихо, тихо слишком.
Промозгло, зябко, мало света.

Здесь остро пахнет нафталином.
Случайный луч скользит по нитке
в углу провисшей паутины.
И ветер хлопает калиткой.

Тоскливо. Муторно. Тревожно...
Ни огонька, ни ярких красок.
Отсюда выбраться так сложно,
как будто воздух густ и вязок.

А время – сонная улитка —
едва ползёт. Все глуше, глуше
стучится сердце, а калитка
скрипит, скрипит – заткнуть бы уши!

Мне б не уснуть, не раствориться
в пучине этой серой мути.
И, как из клетки рвётся птица,
из дома, мрачного до жути,

скорее выбраться. К порогу,
вдоль мокрых стен, по стылой плитке...
Веранда, двор и вот – дорога...
А позади – скрипит калитка!

Ветка

Угас тихонько день. Она во тьме сидит,
не замечая ночь, не изменяя позу.
Мерцает город, но чудесный этот вид
ей застилают слезы.

Она давно живет. Она не так проста
и розовых очков не носит. Своевольна.
Уверена в себе. Цинична. Что ж ей так
невыносимо больно?!

Потоки по щекам. К стеклу прижала лоб.
А сердце так стучит, что заложило уши.
Ещё слезинка и неистовый потоп
её накроет душу.

Загрузит на ковчег и спрячет на потом
она клочки надежд и слабенькую веру.
Забьётся в уголок затравленным котом.
И будет мутно-серый

туман над тишиной всё поглотивших вод.
И будет пустота вне временной разметки.
Но как-то утром ей голубка принесёт
молоденькую ветку...

Прозаические зарисовки

Корабль

Наши жизни похожи на корабли. Они постоянно плывут вперёд, оставляя позади пройденные причалы и не вернувшихся на борт пассажиров.

Сколько людей за годы плаванья поднималось ко мне на палубу, обустривало свои каюты, но через время спускалось вниз по трапу, чтобы больше по нему никогда не подняться.

Я должна была бы к этому уже привыкнуть, но каждый раз, когда я смотрю кому-то вслед, становится горько.

Снова и снова течение приносит мой корабль к новым берегам, чтобы кто-то поднялся на его борт, а кто-то спустился на берег и навсегда затерялся в толпе проходящих мимо.

А мой корабль отправляется дальше, унося свой бесценный груз, который так редко бывает постоянным.

Дверь

Захлопнуть обычную дверь несложно. Много не надо. Достаточно одного резкого движения ногой или рукой.

Так же и с дверью, которая ведёт в душевный космос.

Необдуманный поступок, взрыв раздражения, неправильные слова, сказанные не должным тоном, в неподходящей обстановке – и дверь в сердечный будуар закрыта.

Открыть её снова намного сложнее, чем закрыть, но возможно. По началу возможно. С каждым разом всё выше вероятность того, что при очередном захлопывании эту дверь заклинит так, что она вростёт. И даже если впоследствии заклинивший замок будет заменён на новый, ключи вам уже не выдадут.

Таков закон душевных дверей.

Между

Мне иногда кажется, что я застряла где-то между. Между странами, между культурами, между возрастами.

Я никогда уже не смогу почувствовать себя в Украине или в России как дома, но и Израиль однозначным домом мне стать не смог.

Слушая русские передачи по телевизору, я обречённо понимаю, что привычный мне русский язык, словно зимний дымок из печных труб, растворяется среди потока новых терминов и оборотов, становясь мне менее родным. Иврит же, озвучивающий мои будни, звучит для меня понятно и привычно, и всё-таки чуждо. Он несёт мне информацию, но не касается душевных струн, архивов воспоминаний и эмоциональных зарубок на моём жизненном стволе.

Я давно растеряла детскую наивность и восторженность. Вырастила двоих детей. Мир детства с его зависимостью и беспомощностью назад меня отнюдь не тянет. Но и доспехи взрослости великоваты и слишком тяжелы для моей сути. Они часто придавливают меня ощутимым весом и натирают.

Я отчалила от прежних берегов, но устойчиво пришвартоваться к новым получается не очень. Мотаюсь между.

Денис Камышев, Ашдод

Кот печально наблюдал коллапс,
Осень, алкаши лежат игриво
Во дворе, в песочнице у нас,
Живописно спит в баллонах пиво.

Листья лисьим рыживьем с небес,
Падают, как ангелы, красиво.
В воздухе дождливом влаги взвесь,
Хорошо и так невыносимо.
Осень серебрится на висках
И уже я не сбегаю в лето.
Почему унылая тоска
Благодатна для иных поэтов?
Кот печально мявчет о своём,
Телевизор грузит сериалом.
И сидим мы у окна вдвоём,
О большом мечтая и о малом...

Мастер без Маргариты

Мастер лечил своё безумие пивом. Батарея пустых бутылок выстроилась разнокалиберной шеренгой у пыльного, залапанного временем окна съёмной квартиры. Влив в себя очередную бутылку, Мастер сел к компьютеру, охватил включенную голову длинными аристократическими пальцами, и напряжённо застыл, вглядываясь в белую страницу Word. Писать про Иешуа не хотелось. Хотелось тёплую грудь Маргариты, восторженную вакханалию при мерцающем свете оплывших свечей и черт с ним – с Иешуа, с белым плащом с кровавым подбоем и прокуратором Иудеи. В данную минуту Маргарита танцевала рок-н-ролл с ответственными работниками из министерства мужа, который искренне рекламировал семейную идиллию в модном столичном клубе-ресторане, владельцем которого он, с недавнего времени, и являлся. Вместо вечной истории о фетише христианской добродетели, в голове Мастера звучал голос Марго: «Милый, несколько лет назад я ещё могла броситься в омут нашей страсти с головой. Но не теперь. Я старею и не хочу, чтобы ты наблюдал, как увядает моё тело в стремительном беге времени. Мне проще иметь любовника, которого я могу сменить без угрызения совести и которого не побоюсь обидеть. Ты слишком хороший, талантливый, чистый, нежный, искренний человек, а мне нужно красивое сексуальное животное в постели, без пронзительной грусти во всё понимающих глазах, и без моего оглядывания через плечо во время кратковременных измен. Прости меня, мой Мастер, и будь счастлив».

Из стареньких колонок с надрывом ревел Лепс, а Мастер с русской тоской думал о водке. Жаркое колесо солнца закатилось за стены старого Иерусалаима, и город опрокинулся в долгожданную прохладу и море огней. Ночная жизнь хлёстко раскручивалась в дымных пабах и потных дастингах, где Бог и Дьявол азартно кружили в танце под ритмы людоедов с неизвестных островов. Мастер откупорил новую бутылку, когда в дверь требовательно позвонили. Он неторопливо отхлебнул пива, и недовольно открыл плотоядно клацнувшую замком дверь. На пороге стояла ослепительная зеленоглазая брюнетка в короткой кожаной юбке, ботфортах и топике, едва прикрывающем вызывающе упругую грудь.

– Вы ошиблись девушка. Я не пользуюсь услугами такого рода, – хмурый Мастер хотел было захлопнуть дверь.

– Минуточку! – девушка сверилась с изящным «планшетником», – господин Мастер?

– Собственной персоной...

– Диана Воланд – владелица литературного портала «Бегемот и К».

– Чем могу служить? – мастер нетрезво покачнулся.

– Я могу пройти? – и, не дожидаясь ответа, девушка протиснулась мимо благоухающего пивом Мастера в его холостяцкую берлогу, цапнула бутылку пива из его рук и угнездилась в любимом кресле хозяина.

– Кризис? – кивнула она на пустой экран, закинула красивые длинные ноги на табурет и, жмурясь от удовольствия, отпила прохладного пива. Мастер безразлично сбросил ее ноги на пол, отобрал пиво, присел на выдавший виды табурет и молча, уставился в окно.

– Я хотела бы предложить стандартный контракт, – начала Диана.

– Подписывать кровью? – вяло поинтересовался Мастер.

– Смешно. Что вы думаете о Боге?

– С некоторых пор я о нем вообще не думаю.

– Замечательно. Мы хотели бы заказать вам монографию о месте человека вне религии, давления социума и политических взглядов.

– Скучно. Я не занимаюсь философскими изысканиями. Пишу смешные рассказы про людей. Вернее, писал – талант кончился, – мастер отпил пива и передал бутылку Диане.

– Потеряли нравственные ориентиры?

– Не... Потерял смысл...

– Секс, наркотики, рок-н-ролл?

– Пробовал. Не вставляет...

– Любовь?

– Вот!

– Сочувствую...

– Да бог с ней...

– Чаще с ней дьявол...

– Не буду спорить... Для меня что Бог, что дьявол – это стороны одной монеты...

Зазвонил мобильник. Диана вытянула из кармашка юбки крохотный телефончик.

– Да... Коровьев, какого черта ты мне звонишь? Вы с Бегемотом не смогли уговорить клиента? Бегемот сломал ему правую руку, и он не смог подписать? Придурки! Сейчас Азazelло пришлю. Всё, пока.

– Серьёзная у вас фирма. Мне тоже будете ломать?

– Вы уже поломаны..., – Диана нервно закурила «Вог».

– Зачем я вам?

– Зачем вы себе?

– Где подписать? – сказал Мастер и, не глядя подмахнул документ в планшете.

– Замечательно. У нас, кстати, корпоратив сегодня. Присоединяйтесь.

Бесконечный белый «Линкольн» подвёз их к входу в недавно открытый клуб-ресторан «Грибоедов». Крупные ребята на входе кивнули Диане, и она с Мастером беспрепятственно прошла внутрь. Мастер не монтировался в окружающей его роскоши в своих потёртых джинсах, старых «казаках» и футболке с надписью: «Идите в жопу с вашими «Привет», «Как дела?»». Дамы в вечерних туалетах, мужчины в дорогих костюмах, статусных часах, уверенных улыбках. Где-то на данс-поле мелькнула знакомая фигурка в ореоле светлых волос, но тут же пропала в людском танцевальном цунами.

– Привет, Ди, – огромный упитанный мужчина, с лицом киношного убийцы, протаранил толпу мощным телом борца.

– Привет, Бегемотша. Вот, Мастера привела – пусть развеется. У него впереди целая вечность работы.

Мастер сидел за бесконечным столом и на автомате опрокидывал в себя водку и грибочки после стандартных «здравниц». Рядом, тесно прижавшись бедром, сидела Диана. С другой стороны возвышалась гора Бегемотши. Дальше мужик лет сорока со зверской рожей и бельмом в глазу в смокинге от «Валентино» и кадр в треснувшем золотом пенсне, китайских кедах, заса-

ленных турецких брюках со «штрипками», ковбойке и клетчатом пиджаке. Гостей было человек пятьдесят – солидные пожилые господа, молоденькие смешливые девочки, спортивные ребята с короткими стрижками и густо покрашенные матроны полувекового выпуска с большим жизненным автопробегом. Публика была весьма разноплановая и, было видно невооружённым взглядом, что это гуляют сотрудники одной компании.

На сцену выполз розовощёкий, напоминающий пластмассового советского пупса, конферансье.

– А теперь дамы приглашают кавалеров. Белый танец! – торжественно пробубнил он и пафосная, разряженная в жабо и камзолы группа запела: «Ах, белый лебедь на пруду». Диана выдернула поперхнувшегося водкой Мастера из-за стола и вытащила на танц-поле. И тут он увидел ЕЁ.

Маргарита танцевала с молодым высоким брюнетом, который по-хозяйски оглаживал её шикарные формы и шептал что-то интимное на ухо. Марго заливисто смеялась и наслаждалась моментом, пока не увидела Мастера. Она впилась взглядом в его спутницу и немедленно забыла о, исследующем её тело партнёре. Мастер, не отрываясь, смотрел на любимую женщину, видел запах чужого секса, видел драйв ночных дорог, её раскинутые белые ноги, жадный и требовательный рот и... Наваждение прошло. Диана поцеловала его, пьяно дыша перегаром и благоухая дорогими духами. Время замедлилось и убыстрилось... Людское море разорвало их взгляды, и они потерялись в огромном клубном зале среди всполохов лазерных вспышек. А потом был бессмысленный секс с пьяной Дианой на продавленном диване и утренний тремор сожаления с жёстким коктейлем похмелья.

Он написал монографию и ещё миллион статей. Получил штатную должность журналиста и кабинет. Перешёл работать в журнал «Диана». Несколько раз в неделю он спал с владелицей журнала. А ещё он пил. Пил горько, беспощадно, по-русски, топя в водке глухую беспросветную тоску. Он больше не видел Маргариту, но иногда слышал о ней в светской хронике. Через полгода он стал главным редактором. Про Иешуа Мастер больше не вспоминал.

Однажды утром его разбудил звонок мобильного.

– Привет, милый, – услышал он далёкий родной голос.

«В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой...» – написал он вечером в полузабытом файле «РОМАН».

02.11.2012.

Колесо вечности

Однажды маленькая девочка вытащила из клетки любимого хомячка, который отдавал своё время послеобеденной сиесте и дёргал во сне задними лапами, бегая в бесконечном колесе хаоса. Девочка выдернула его из привычного бытия и вооружившись острой, обработанной спиртом иглой, азартно пришивала хомячку бумажные крылья. Хомячок вырывался, визжал от боли и молился хомячьему Богу, но любовь девочки победила, и хомячок уполз в опилки клетки, волоча за собой красивые и бесполезные крылья. Девочка вновь вытащила хомячка из клетки.

– Лети, – сказала она хомячку – Ты же птичка...

Но хомячок так и не осознал, что поменял класс грызунов на класс пернатых и завывал в ужасе непонимания от поставленной девочкой задачи.

– Лети! – сказала девочка и бросила хомячка в глубокое синее небо. Хомячок расправил бумажные крылья и камнем полетел вниз. Глухой удар и его мохнатая тушка с нелепыми крыльями замерла на земле. Хомячок сломал себе шею.

– Эволюция, иди обедать! – раздался голос матери Природы.

Девочка вприпрыжку побежала к дому, немедленно забыв про хомячка. После обеда она собиралась скрестить ёжика с жабой...

Кто на пульте?

Стою. Никого не трогаю. Ничего не делаю. Никому не мешаю. Аки херувим. Словом, нахожусь на рабочем посту. Крановщик обыкновенный, комнатный. Стою на земле, в силу рабочих обстоятельств. Подходит Директор. Долго всматривается в моё отрешённое лицо святого и спрашивает голосом дознавателя НКВД:

– Кто на пульте?

Я понимаю, что не понимаю.

– Я не знаю... наверное никто... я же здесь...

– Я спрашиваю, кто на пульте? – начинает закипать Директор от моего скудоумия. Я начинаю осознавать, что кто-то кинул сапог на пульт и нет больше вашей Америки. Может он говорит про ядерный чемоданчик? Или это пульт диджея? Или это пульт от телевизора? Или это пульт от меня?

– Нет никого на пульте... я же здесь, на грешной земле.

Директор смотрел на меня, как на полного имбецила, и его внутреннее закипание по Фаренгейту и по Цельсию уже приближается к взрыву сверхновой.

– Я вас спрашиваю. Кто на пульте? На пульте кто сейчас? – зарычал Директор и я понял: если бы у него был автомат Томпсона, он бы выпустил в меня, дебила, хорошую добрую очередь.

Я задумался. Он ждал. Противостояние его интеллекта и моего личностного отсутствия продолжалось. Это была схватка двух параллельных вселенных, двух культур, двух цивилизаций.

– Ах, на пульте... – с признаками понимания на озабоченном работой лице начал я – Нет там никого. Я же здесь...

Лицо Директора приобрело цвет свежесваренного борща.

– Кто контролирует процесс прохода горячего металла в контрольной будке? – с отчаянием обратился он к моему угасающему разуму...

– А, на пульте что ли? – на всякий случай переспросил я.

Директор нервно махнул рукой и скрылся в сумеречной зоне влажного лона цеха.

А я стоял и думал: «Почему у божьих коровок чёрные горошины на крыльях...».

Рина Зильберман, Кирьят Хаим

Я родилась в Кишинёве в замечательной семье. Регина я только в официальных документах, но с лёгкой руки моего дедушки (светлая ему Память) меня зовут Рина. 29 лет тому назад вместе с семьёй репатрировалась в Израиль. Сейчас живу в городе Кирьят Хаим, который очень люблю. По специальности инженер-строитель. Стихи пишу недавно – 2 года. Начала писать стихи после смерти моего дорогого папы (светлая ему Память). В то же время я стала принимать участие в тренингах Алексея Дава «Путь к себе длиною в жизнь», благодаря которым продолжаю писать, радоваться этому и удивляться. Тренинги Алексея Дава меняют меня и мою жизнь, дают мне бесчисленные темы для размышлений и стихотворений. Мои стихи выходят в свет первый раз.

В добрый путь «Понедельник 11»

Стихи в шкафу лежат.
Их голоса дрожат.
Они о воле молят,
Меня неволят
Из клетки отпустить,
На счастье окропить.
Наташе вас вручаю.
В дорогу собираю.
Обнимаю и целую.
Бережно пакую.
В «Понедельник» вы идёте.
Всё добро с собой берёте,
Дабы крылья распрямить,
Друг за дружкой проследить,
Чтобы вы не потерялись,
Люду доброму достались,
Помогали, врачевали

И немножечко морали
В жизнь каждого внесли
И заметно подросли.
Приходите меня тешить,
Иногда со мной чудесить,
Иногда меня учить,
Иногда и похвалить.
Вы Наташу уважайте
И во всём ей потакайте,
Помятуя об услуге
И прекраснейшей науке
Бескорыстно помогать
И себя тем прославлять.
Ты, Наташа, не волнуйся!
В туфли новые обуйся
И счастливо в добрый путь
Разреши себе шагнуть.
Всё свершится
Так и знай!
Ты дерзай и покоряй,
Непрерывно процветай!
Сочиняй и удивляйся
И конечно восторгайся!
Стихотворные куплеты
И прекрасные сонеты
И романы и новеллы
Всё доставят каравеллы.
Путешествие вершится.
Кто-то очень рассмешится,
Кто-то очень возликует,
Но никто не затоскует
С Альманахом под рукой,
Будучи с тобой.

.

Врачи не Боги

Врачи не Боги,
Но мы об этом забываем,
Когда мы души им вверяем.
Врачи не Боги,
Но Бога правая рука,
Которая немного коротка.
На этом свете и на том
Покоя нет у них ни в чём.
Они себя во всём винят,
Они смириться не хотят

И чудеса порой творят.
Они ни в чём не виноваты,
Заранее святы.
Никто не виноват,
Что он не Бог
И потому не всё он смог.
За доктора простого,
За доктора святого
Я поднимаю свой бокал.
Чтоб доктор скал не повстречал,
Чтоб доктор верить продолжал,
Чтоб всех напастей избежал
И чтоб здоровый добежал.
Чтоб доктора Господь хранил
И в тайны посвятил.
Чтоб Он ему светил
И щедро одарил.
Чтоб Он ему простил
И на руках носил.

Мы живем в параллельных Мирах

Мы живем в параллельных Мирах
И здесь дело совсем не в телах,
Но в делах и словах,
Что Миры порождают
И нас всех разделяют.
Разделяют к добру и ко злу,
Разделяют зачем не пойму,
Разделяют и все усложняют,
Разделяют ничто не прощают.
В параллельных мирах проживая
И глаза закрывая,
Далеко ли уйдешь?
Много ль счастья найдёшь?
То вопрос из вопросов,
То запрос из запросов.
Мы бы не были чужды друг другу,
Мы бы были так нужны друг другу,
Понимая и прощая,
Никого не задевая,
Избегая усложненья,
Добавляя восхищенья.
Мы нуждаемся в любви,
Подышаем от тоски,
Не даем себе подняться,
Не даем себе признаться,

Охраняя параллельность
И приветствуя бездельность,
Не желая изменяться,
Не желая возрождаться,
Не желая возлюбить,
Но желая крепко бить
И себя превозносить.
Мы пока не подобраем,
Мы пока не осмелеем
Параллельно будем жить
И с собою говорить.
Вот когда договоримся,
Вот когда освободимся,
В Мир один объединимся.
И друг другу удивимся.
Удивимся как всё просто,
Когда нет у нас нароста
Из презренья и хулы,
Но есть море доброты.

Ты соткана из света золотого

Ты соткана из света золотого,
Ты соткана из таинства святого,
Ты соткана из моря и огней,
Ты соткана из тысячи свечей.
Свет любви излучая,
Всё ему посвящая,
Твои свечи горят
И без слов говорят
О расплавленном золоте,
О бриллиантовом холоде,
О незримых нитях любви
Чародейству сродни.
Чародейство не в сказке рождается.
Чародейством любви сохраниться
И сегодня и завтра и впредь
Всё, чему не сгореть.
Без тебя я не очень жил,
Без тебя я других любил.
Только света там не было
И любовь моя убыла.
Убыла она, не прощаясь,
На меня обижаясь.
А теперь в золотом сиянии,
Позабыв о прощании,
Ты явилась меня украсть,

Чтобы не дать пропасть.

Чистым намерением

Чистым намерением
Жизнь исправишь,
Чистым намерением
Счастья добавишь,
Чистым намерением
Всё возвратишь,
Чистым намерением
Всё освятишь.
Чистые руки,
Наши заслуги,
Вечное Солнце над головой,
Яркие звезды вместе с луной.
Всё закольцовано,
Всё уготовано,
Чистым намерением
В тайну спрессовано.
Каждый себе создаёт небосвод,
Каждый себе создаёт вездеход,
Имя себе создавая,
Руки свои не марая,
Душу другим согревая,
Силы на то направляя,
Чтобы светилась душа
От сотворения добра.

Что остаётся после нас

Что остаётся после нас?
А то, что было возле нас,
Чем без прикрас мы дорожили,
Чему мы жизни посвятили.
Деянья добрые иль злые,
Побеги вечно молодые
Или засохшая трава,
Навечно мёртвая земля,
Навечно запертые двери
И обезумевшие звери,
Или душистая прохлада
И утра доброго – награда.

Лидия Каб, Бат Ям

Благодарю всех читателей, вы самые лучшие! Спасибо, что вы с нами! Можно приобрести мои авторские книги «Соприкосновение сердец» и «Я шагаю по звёздам» с автографом. Обращайтесь! Тел.: +972507155047, Lidiyakab@gmail.com.

Сорок лет ожиданий

Однажды, катастрофически опаздывая на совещание, я решил сократить дорогу и пошёл прямым путём через огромную территорию завода, расположившегося, как жертвенный вулкан, в самом центре города. Завод еще довольно-таки неплохо функционировал, хотя его стены и здания были местами полуразрушенными, а оборудование сохранилось ещё, казалось, с доисторических времён. Что держало на плаву это чудовище – непонятно. Непонятно было также, почему его до сих пор не снесли местные власти, чтобы построить на этом месте новый современный завод.

Я шёл по каким-то ухабам и пустырям, так по-домашнему расположенных на этой необъятной территории, проклиная себя, что выбрал это направление, потому что уже не знал, куда я собственно иду, и понимал, что заблудился. То, что я опоздал на совещание – это меня уже не беспокоило. Я ждал, когда это чудовище отпустит меня и выведет к людям.

Вдруг я увидел странную картину впереди: худощавый низкорослый мужчина стоял возле какого-то низкого ограждения, напоминающего могильную оградку, и водил руками в воздухе, словно что-то разбрасывал в этом месте.

Увидев такое, я вмиг забыл о своих странствиях, о том, что заблудился, о том, что человек тридцать ждали меня и недоумевали, почему я не пришёл... Всё это было уже не так важно. Важен был этот человек, так усердно проводивший над оградой таинственный ритуал. Подойдя поближе, я увидел, что это действительно могила. Старая деревянная ограда и маленький

деревянный крест, казалось, выросли в землю от времени и дождей, и были такими же древними, как и весь комплекс заводской местности.

Заинтересованный происходящим явлением, я подошёл к мужчине и спросил:

«Здравствуйте! Меня зовут Питер Рич. Я не местный и по ошибке свернул с дороги и не знаю, как пройти к зданию управления. Вы могли бы помочь мне?» – не знаю почему, я не решился сразу спросить у него про могилу.

Мужчина обернулся, и я увидел ещё молодое, но осунувшееся лицо с поразительно грустными и глубокими голубыми глазами. Его взгляд настолько проникал вглубь меня, что я невольно сделал шаг назад. В руках мужчина держал маленький пустой бумажный пакетик, похожий на такие пакетики из магазинов цветов, в который продают семена. Он нисколько не смутился, что его застали за таким непонятным занятием в более чем странном месте.

«Не беспокойтесь, я вас провожу, господин.» Его приятный мягкий голос вывел меня из гипнотического состояния, вызванного всем происходящим.

«Минуточку, я только закончу здесь.» Он невозмутимо отвернулся и стал поправлять накренившийся крест и оградку.

Внимательно взглядевшись в полустёртую надпись на кресте, я лишь смог прочесть одно имя. «Сара». Ни фамилии, ни даты уже было не разобрать, время постаралось стереть их из памяти.

«Мы можем идти, я закончил, – голос мужчины оторвал меня от попыток прочитать не читаемое – я проведу вас к зданию управления.»

Он жестом указал наш путь, и мы пошли.

Моё любопытство изъело уже мою печёнку, и я никак не мог совладать с ним, поэтому стал подбирать слова, которые бы открыли сердце этого загадочного персонажа и вывели его на откровенность.

«Я очень признателен вам за то, что вы согласились мне помочь. Надеюсь, я не отвлекаю вас от более важных дел?»

«Нет, что вы. Самое главное дело сегодня я уже выполнил.»

Я недоумённо посмотрел на него. Видя моё непонимание, мужчина сказал: «Это долгая история моей жизни и довольно-таки грустная её часть, о которой я не смогу забыть никогда...»

Ещё более заинтригованный, я уже с нетерпением в голосе предложил ему:

«Знаете, я уже безнадежно опоздал на совещание, но, надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии выпить с вами чашечку утреннего кофе и послушать вашу историю. Если, конечно, вам захочется мне её рассказать... Прошу вас, соглашайтесь!»

Мужчина немного замешкался. Видно было, что ему трудно принять решение. Или просто не хотелось ворошить прошлое и выставять напоказ горький период своей жизни...

«Хорошо, – сказал он, – здесь недалеко есть заводская столовая. В этот час там пусто, и нам никто не помешает насладиться беседой и кофе. Кстати, кофе там отменный!»

Мы свернули чуть в сторону и прошли через шумный цех, где над станками усердно трудились люди, сосредоточенно всматриваясь в изготавливаемые детали. До полудня было еще далеко, и эти часы были самыми плодотворными в их работе.

Солнечный свет пробивался через пробоины в крыше, которую каждый год пытались чинить, и назойливо лез в глаза, ослепляя на мгновение. Мы вышли из цеха и направились к маленькому строению, окружённому зарослями кустарников, так контрастно спорящими своей яркой зеленью с серыми стенами громоздких заводских сооружений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.